

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-64-73

Р.Х. Шаряфетдинов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Мотив книги в современной татарской литературе

Аннотация. Статья посвящена мотиву книги во взаимосвязи триады учитель – книга – судьба в татарской литературе. На основе творчества современных авторов (И. Абузяров, Ш. Идиатуллин, Р. Харис, Р. Валеев, Р. Мухамадиев, Ф. Латыфи, Г. Баширов и др.) проведен анализ символики мотива книги как звена во взаимосвязи образа учителя и судьбы народа в литературе на татарском и русском языках. Мотив книги рассматривается в контексте традиционного для татарской литературы внимательного обращения авторов к фольклору, арабо-персидской литературе, средневековой поэзии, творчеству вершинных авторов истории татарской литературы (Кул Гали, Мухаммедьяр, Г. Тукай, М. Джалиль и др.) и ключевым произведениям (эпос «Идегей», байт «Сак-Сок» и др.), ставшим источником произведений новых времен. Современные авторы продолжают опыт обращения татарской литературы XX в. (Г. Тукай) к творчеству русских авторов А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, В. Хлебникова, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама и др., которое традиционно оказывало влияние на развитие поэтического мастерства и определяло развитие жанров татарской литературы. Для современной татарской литературы характерны традиционные для национальной культуры значения книги как символа знаний и грамоты, источника знаний, сокровища и др. и религиозного характера: значение трансрелигиозного мотива священных писаний, а также мифологического понятия зафиксированной судьбы человека. Мифологический мотив триады учитель – книга – судьба в современной татарской литературе синтезирует традиционные представления и раскрывает эволюционные изменения.

Ключевые слова: фольклор, миф, образ учителя, мотив книги, мифопоэтика, традиция, современная татарская литература

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шаряфетдинов Р.Х. Мотив книги в современной татарской литературе // Литература в школе. 2021. № 6. С. 64–73. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-64-73

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-64-73

R.Kh. SharyafetdinovMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Motive of the Book in the contemporary Tatar literature

Abstract. The article deals with the motif of the Teacher – Book – Fate triad in Tatar literature. Based on the work of contemporary authors (I. Abuzyarov, Sh. Idiattullin, R. Haris, R. Valeev, R. Mukhamadiev, F. Latyfi, G. Bashirov, etc.), the analysis of the symbolism of the motif of the Book as a link in the relationship between the image of the Teacher and the Fate of the people in literature in the Tatar and Russian languages is carried out. The motif of the Book is considered in the context of the authors' attentive reference to folklore, Arab-Persian literature, medieval poetry, the oeuvre of the top authors in the history of Tatar literature (Kul Gali, Mukhammedyar, G. Tukay, M. Jalil, etc.) and key works (the epic "Idegey", bayt "Sak-Sok", etc.), which have become the source of works of nowadays. Contemporary authors continue the tradition of the XXth century (G. Tukai) of referring to the works of Russian authors – A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, N.A. Nekrasov, F.I. Tyutchev, M.Yu. Lermontov, S.A. Yesenin, V. Khlebnikov, M.I. Tsvetaeva, O.E. Mandelstam, and others, whose work traditionally influenced the development of poetic skill and determined the development of genres of Tatar literature. Modern Tatar literature is characterized by the importance, traditional for the ethnic culture, of the symbol of the Book as knowledge and literacy, a source of knowledge, treasure, etc., as well as of a religious nature: the meaning of the trans-religious motif of the Holy Scriptures and the mythological concept of a human Fate, put on paper. The mythological motif of the Teacher – Book – Fate triad in the contemporary Tatar literature synthesizes traditional ideas and reveals evolutionary changes.

Key words: folklore, myth, the image of the Teacher, the motif of the Book, mythopoetics, tradition, contemporary Tatar literature

CITATION: Sharyafetdinov R.Kh. Motive of the Book in the contemporary Tatar literature. *Literature at School*. 2021. No. 6. Pp. 64–73. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-64-73

Грамота и получение знаний являются важной частью татарской и всей тюркской культуры, где стремление к знаниям в самом широком смысле считалось обязанностью каждо-

го человека. Традиционно древние тюрки полагали, что написанное обладает магической силой, а мотив книги впоследствии нашел свое отражение и в татарском фольклоре (в сказках

«Саран и Юмарт», «Бидняк Билял», «Львица», «Змеи» [19, с. 31, 119, 207, 236]), и в литературе. Если в древности это выражалось в высеченных руническим письмом памятниках, надписях с благими пожеланиями, охранявшими от злых духов, своего рода амулетах, имевших сакральное значение, то позже знания и грамота в широком смысле были символом счастья и благополучия, а грамотные люди пользовались особым уважением и почетом. Кроме того, в восточной традиции украшения оружия, посуды арабскими буквами коранического текста отразились в народных верованиях в силу текстов, считающихся спасающим от болезней и бед, бережно хранимых людьми и наделяемых магическими значениями, что нашло отражение, к примеру, в современном произведении Ш. Идиатуллина «Убыр» [7, с. 527].

В народной культуре уважения заслуживают знания различной направленности: в условиях влияния, с одной стороны, различных культур (в первую очередь, восточных), а с другой – налаженных торговых взаимоотношений, важное значение приобретает знание не только родного, но и других языков, в «том числе русского» [5, с. 250], что отразилось в татарской пословице «Знай языки семи домов» («Жиде йортның телен бел»). В романе Р. Мухамадиева «Мост над адом» получение знаний и наука в общем достойны большого уважения, «каждый язык дает человеку ключ к новым знаниям» [12, с. 40], а люди, обладающие знаниями, передающие их, заслуживают особого уважения и отношения. Неслучайно в тюркском обществе переводчики, переписчики («битекчеләр»), книгоиздатели, хафизы, кятибы (выпол-

нявшие обязанности современных секретарей-референтов), писатели, поэты, как и ученые, издревле составляли особую, уважаемую часть населения, а образ человека пишущего мифологизируется, к примеру, в повести Н. Гиматдиновой «Грустить не буду...», где писательница Ниса – «как будто жительница другой планеты» [14, с. 35]; в стихотворении Р. Хариса «Скажите, плохо ль быть монархом?» поэт – «равен ростом Богу! Ему смешна мирская власть!..» [18, с. 291]; в стихотворении Р. Валеева «Поэт» поэт – «человек, изменяющий мир» [18, с. 391]. Человек пишущий приравнивается к приближенному к Богу, инопланетному жителю, возвышающемуся над мирской властью, ему подвластно изменить мир. Уже этим мифопоэтическим образом определяется и значение знания и его источника – книги.

Во многих художественных произведениях татарской литературы знания в общем и книга в частности представляются в данном ключе основным звеном передачи знаний от поколения к поколению и занимают особое место в поэтической картине мира многих татарских авторов. К примеру, в произведениях Г. Баширова мотив книги, отображающий менталитет татарского народа и выступающий символом знаний, в том числе в статье «Несколько слов об одном слове», звучит призыв беречь и приумножать это «драгоценное достояние», говорится о необходимости записывать произведения устного народного творчества «из уст самого народа» [15, с. 8].

В романе Ф. Латыфи «Измена» отмечается: «Письмена, книги – это *Память...* Завоеватель, старающийся уничтожить тот или иной народ,

прежде всего обращает в пепел его книги, его письма <...> Человек, лишенный памяти, – все равно что животное, и он терпит все, что с ним делают...» [17, с. 204].

Наряду с вниманием к важности получения знаний в татарской культуре особое место занимают взаимоотношения «учитель – ученик» и образ учителя/наставника, как в мусульманской (суфийской), так и в житейной семантике, где получение глубоких знаний соответствующего уровня образования во многом зависело и от личности учителя, а знания в своей основе воспринимались как истина от Бога. В татарском фольклоре (сказки: «Алдар и мулла», «С ремеслом не пропадешь, без ремесла дня не проживешь») [19, с. 251, 338], и в художественной литературе данные образы воссоздаются соответственно особенностям «общественной жизни изображаемых эпох» [8, с. 98] в творчестве Х. Салихова, А. Каргалый, М. Музафария, С. Бакыргани, Г. Исхаки, Г. Тукая и в произведениях конца XX – начала XXI в. Так, главный герой романа М. Хабибуллина «Чертово городище», учитель болгарского хана Илгана Хафиз, характеризуется не только как образованный, но и терпеливый, выдержанный человек, а герои произведений М. Акъгета – идеал интеллигентной, внешне и внутренне красивой личности. В произведениях Э. Касымова «Жизнь не приходит дважды», Д. Зубаеровой «Зов друга», А. Баяна «Украденный месяц» раскрываются сложные моменты работы в школе, трагедии в судьбах учителей в годы гражданской войны и в первые годы Советской власти. В романе М. Магдеева «Фронтвики», драме Т. Миннулина «Сами выбрали себе судьбу» воссоздаются

картины сложных взаимоотношений учителей между собой и руководством. В образе учителя синтезируются традиционные представления древней литературы и современное видение его роли в нашей жизни.

Важно отметить традиционное для татарской литературы соединение древних восточных традиций и влияния русской литературы; произведения современной литературы представляются результатом синтеза многовековых традиций и веяний современности. Так, авторы обращаются к фольклору (Ш. Гадельша), традициям арабо-персидской поэзии (Р. Гаташ, М. Мирза (стихотворение «Рубаи») [18, с. 497]), знаковыми сюжетами восточной литературы, каждая деталь которой «самоценна и несет в себе общую идею произведения» [25, с. 225] (М. Кабиров, Г. Гильманов), суфийской поэзии [16, с. 74–75] (Г. Салим [9, с. 136]), средневековой тюрко-татарской поэзии (М. Мирза, Р. Гаташ) и др.

Кроме того, современные татарские поэты с особым вниманием, уважением, ученическим вдохновением обращаются как к знаковым произведениям татарской литературы древности: эпосу «Идегей» (повесть Р. Зайдуллы «Шах-Али» [13, с. 83]), отмечая его распространенность («Его поют в Крыму, и в Ногах, и в Самарканде» [6, с. 332]); байту «Сак-Сок» (стихотворения Г. Мурата «Тебя решил я больше не любить», А. Рашитова «Поэты», Ф. Тархановой «Сказал мне», Р. Файзуллина «Наша земля» и его цикл «Лебяжье озеро») и др., так и к образам и личностям авторов вершинных произведений татарской литературы: Кул Гали (стихотворение Ш. Галиева «Кол Гали» [18, с. 191], роман М. Хабибуллина «Божий дар» [22]);

Мухаммедьяра (стихотворение Р. Зайдуллы «Склеп»); Габдуллы Тукая (стихотворения М. Вахитова «Последний час», Н. Ахмадеева «Ночь напролет писал стихи, писал...», Р. Ахметзянова «Вступление к книге “Утро”», Р. Валеева «Я еще вернусь», Р. Зайдуллы «Слова свой вес теряют...», Р. Миннуллина «Под диктовку», Г. Рахима «Когда сказать решится человек», «У памятника Тукаю», А. Рашитова «Поэты», «В казахской степи», Ф. Сафина «Странно уходит поэт...», М. Шабеева «Знакомый напев с пеленок...», Л. Шакирзяновой «Читая «Памятнику» Тукая», Э. Шарифуллиной «Бибимамдула», Р. Файзуллина «Я многих сотрапезников забуду», Р. Салаха «Встреча» [18, с. 597]); героической личности Мусы Джалиля (пьеса Г. Гаффарова «Приговор», стихотворения Н. Ахмадеева «Ночь напролет писал стихи, писал...», Р. Гаташа «Словно кем-то было напето...», Р. Зайдуллы «Слова свой вес теряют...», А. Маликова «Прохожу по твоим следам», З. Мансурова «Послание», Г. Рахима «Когда сказать решится человек», И. Юзеева «Ждите!», З. Нури «Моабитская тетрадь» [Там же, с. 151], Р. Валеева «Пожар в краеведческом музее» [Там же, с. 387], Ш. Мустафина «Дума о Прометее», где подвиг поэта сравнивается с самопожертвованием Прометея и близких ему в мировой истории личностей), Наки Ибанбета [23, с. 191–200], С. Сарай, С. Кудаша, Г. Ибрагимова, Х. Такташа [11, с. 138] и многих других.

Наряду с этим в творчестве современных авторов продолжают свое развитие размышления Г. Тукая в начале XX в. о том, что татарская нация «нуждается в Пушкиных, Толстых, Лермонтовых, в настоящих

писателях, художниках <...> в новой, <...> истинно национальной поэзии, музыке» [20, с. 31]. Результатами обращения поэта к творчеству русских классиков становятся такие стихотворения, как «Пушкину», «К пэри», «Поэтому», «Наставление», «Впечатление», «Я обманул», «Впоследствии», «Пророк» и др. [2, с. 123]. Одно из лучших поэтических сочинений автора, поэма «Шурале», написанная по мотивам одноименной татарской сказки, была создана, по словам поэта, под воздействием наследия А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова [21, с. 230].

Русская литература, традиционно оказывающая значительное «влияние на развитие поэтического мастерства» [24, с. 109] многих авторов и определявшая развитие жанров национальных литератур, находит проявление и в современной литературе: авторы обращаются к личностям: А.С. Пушкина («Лжепророк» Н. Беляева); Л.Н. Толстого («Моя мама проверяла...» Л. Газизовой); Н.А. Некрасова («Я гуляю по осеннему поселку» В. Баширова); Ф.И. Тютчева («Тютчев» Т. Алдошина); М.Ю. Лермонтова (например, «У подножия гор» Ш. Мударриса [18, с. 137], а герой романа Р. Мухамадиева, 15-летний мальчик Мирсайд, мечтает быть таким, как герой Лермонтова, Мцыри [12, с. 26]); С.А. Есенина («Сергею Есенину» Р. Хариса); В. Хлебникова (лирика Л. Газизовой, А. Каримовой); М.И. Цветаевой («Прощание с Мариной» Е. Бурундуковской); О.Э. Мандельштама («Мандельштам. Реминисценция» Е. Бурундуковской) и др.

Отдельное внимание в татарской культуре уделяется образу священного для мусульман писания – Корана, занимающего в мусульманской обрядовой практике и, шире, в картине

мира значительное место, что находит широкое проявление в фольклоре (сказки «Цветок папоротника», «Кому на пользу каркала ворона», «Лже-пророк» и др.) [19, с. 374, 402, 438] и литературе (Кол Гали, Г. Тукай, Ф. Бурнаш, Г. Баширов, Р. Зайдулла, А. Абсалямов, Ф. Сафин и др.), которые иллюстрируют знание отдельных частей, глав (сур), молитв и трансрелигиозных сюжетов. Роман А. Гилязова «Давайте помолимся» заканчивается фрагментом из 14 суры Корана «Ибрагим», в котором упоминается притча о пророке Лукмане, ставшая характеристикой конфликта личности и системы.

Современный татарский русскоязычный писатель Ильдар Абузяров в своем творчестве (рассказы «Книга книг», «Не написанный Чеховым роман») часто обращается к образам религиозной атрибутики и предметов (мечети, минарета, молитвенного коврика [3, с. 24], полотенец, образа ученого [1, с. 412], праздничной пятницы, «религиозной школы» («медресе»), религиозных и исторических персонажей и др.), среди которых особое значение приобретает трансрелигиозный мотив Священных писаний (Торы, Библии, Корана). Мотив Корана характеризуется автором в контексте трансрелигиозного мотива Священного Писания: «За долгие годы учебы в медресе я понял, что на земле существует только одна Книга книг – Коран. Конечно, на небе есть еще аль-Лаух аль-Махфуз, так называемая Хранимая скрижаль. Она же прототип всех божественных Книг, посылаемых через великих пророков: Мусу [Моисея], Ису [Иисуса], Мухаммеда» [Там же, с. 422], а сами «божественные Книги не тонут, не горят и не разлагаются в земле» [Там же, с. 426]. Мотив

Книги непосредственным образом связан в сознании народа со значением Писания, в котором прописано предначертанное в жизни человека. В рассказе Книга – Божественная скрижаль, это «в ней прописано все, что должно произойти с человеком в его жизни. С каждым конкретным человеком. Но главное, зачем все это нужно, в чем природа и замысел всего сущего и происходящего» [Там же, с. 456].

Герой романа Р. Миргазизова «Иго. Татарский роман» Кубрат осознает книги вообще и «спрятанные на чердаке родового дома старые книги в кожаных переплетах», накопленные его отцом, как богатство, источник глубочайших религиозных и научных знаний. В своем произведении автор поднимает вопросы истории татарской письменности и литературы, пишет о переходе с арабской письменности на латынь, а позже на кириллицу, о том, что все, что «написано затейливой арабской вязью», было объявлено «средневековым мракобесием и безжалостно уничтожалось. Огромное наследие тюркской культуры было безвозвратно утеряно» [4, с. 76].

Книга в культуре татар, приобретая сакральное значение источника знаний, определяется в художественной литературе как *сокровище*: «Кул Шариф занимался еще одним величайшим делом: он хранил и множил сокровища. Нет, не золото и серебро и не презренные камешки составляли его необычайное богатство, а книги! <...> самой ценной, вернее, бесценной книгой была, конечно, родословная татарских предков, идущая из глубины веков» [17, с. 201]. Книга в романе Ф. Латыфи «Измена» определяется как неиссякаемый *источник знаний*,

советов, уроков: «Кул Шариф спускался в прохладное помещение хранилища книг, запирался там, открывал серебряные застёжки на потрепанных временем фолиантах и искал в них ответы на мучившие его вопросы», книги для него были живыми существами, более того, его советчиками, помощниками, наставниками. Нужно было только понять их сокровенный язык, а мудрость наставника, его умение предвидеть даже, казалось бы, непредвиденное, – все это берет начало в этих книгах, в пророчествах, написанных величайшим на земле людьми, посланниками неба. Иначе Кул Шариф в грозные для Казани дни не бросался бы спасать в первую очередь книги, а не золото-серебро» [17, с. 201].

В романе М. Кабирова «Книга», в котором проявляется ассоциативная связь с романом Г. Исхаки «Исчезновение через 200 лет», причиной возможного исчезновения татар по мнению автора станет «потеря книги». В тексте романа в тесной причинно-следственной связи изображаются две исторические эпохи: 2000-х гг. (отторжения людей от книги) и будущего, когда герои (муж и жена) находят запрещенный предмет – старинную книгу.

В рассказе Р. Зайдуллы «Домовой» функцию *письма* берет современная телеграмма, приобретающая значение *предвестника беды*, при получении которого герой рассказа «почему-то всегда терялся... Сердце начинало отчаянно колотиться и словно поднималось к горлу, мешая дышать» [13, с. 136]. Бумага, письмена, древние письмена, «написанное» (зафиксированное на бумаге) приобретает мифологическое значение в связи с мифологизированными в национальной

культуре лицами. Так, в финале рассказа Р. Зайдуллы «Белая собака» после смерти главной героини, знахарки Жантай, в ее доме кроме всего прочего нашли «обломок сабли, наконецники стрел, глиняные черепки, пожелтевшие листки бумаги. Говорили, что на этих листках были древние письмена, да и те полустертые. Так что прочитать их невозможно. <...> Очень большие ученые после долгих мучений смогли наконец прочитать несколько слов. Там было написано: “Но Если...”» [13, с. 176].

В контексте темы поэта и поэзии бумага заявляется как пространство творчества, материализации мыслей. В фольклоре (к примеру, в сказке «Падишах, визирь и мельник» [19, с. 71]) и литературе нашел отражение мотив пера. В произведении М. Галиева «Дух Атиллы» перо – символ знаний, мудрости, источник тайн прошлого: «Поведай, перо, какие тайны Ты хранишь?» [13, с. 303]. Символическое значение мотив письма как свидетельства приобретает в названии повести «След» Ф. Латифи и Р. Якушева, где «Тамга» означает память, отпечаток истории и прошлого, о сегодняшних переживаниях людей, которым открылась история.

С книгой, написанным, зафиксированным (на бумаге) в национальной культуре связано понятие *судьбы*. Так, если древние тюрки верили в предопределение судьбы Тэнгри, то с принятием Ислама предопределение воспринималось от Аллаха. В произведении «Судьба девушки» средневекового татарского поэта Мухаммедьяра (XVI в.) приводятся строки «Говорят, мне предписана судьба Всевышним», в которых поэт ставит важный вопрос о предопределении человеческой судьбы

и возможности ее изменения. Герой (шах), пытаясь уберечь девушку от предписанной ей смерти, делает все, что ее уберезет, но его действия и старания в конечном итоге становятся орудием неминуемой судьбы. Здесь судьба человека воспринимается как некая доминирующая сила, над которой человек не властен: она известна только Создателю: «Что будет – знает Аллах». Хотя при этом уточняется необходимость деятельности человека для преодоления трудностей. В дальнейшем данная символика находит отражение в творчестве Г. Исхаки, Ф. Бурнаша, Н. Исанбета. Героиня романа Р. Мухамадиева «Взлететь бы мне в небо...», Зайнап, выходящая замуж за нелюбимого человека, рассуждает, что «от судьбы не уйдешь», и в своем выборе старалась думать «о больной матери, о голодных сестренках – не о себе» [11, с. 61].

В упомянутом рассказе И. Абузярова «Книга книг» мы находим схожее отражение мотива судьбы: «...все, что происходит в нашей жизни, давным-давно предназначено и прописано на небесах. Мы всего лишь соединяем пазлы событий, чтобы собрать воедино полотно своей жизни. То есть, по сути, мы живем, играя в занимательную детскую игру-мозаику лишь для того, чтобы подтвердить уже написанное и разобранное временем на детали решение» [1, с. 453]. Интересную характеристику судьбы мы находим в романе Р. Мухамади-

ева, где случившееся событие определяется через мотив хлеба: «Ломоть хлеба уже отрезан» [10, с. 634].

Понятие судьбы, предназначения судьбы в понимании тюрков-мусульман применимо ко всем людям без исключения, несмотря на возраст, пол, социальную принадлежность. Так, в произведении Р. Зайнуллы «Шах-Али» главный герой – «представитель Аллаха на земле, великий хан <...> Ты можешь и казнить, и милловать. Но от судьбы не уйдешь. И все же Аллах не лишит тебя своей милости» [13, с. 95]. Главный герой произведения Р. Хамида «Он узнал...», который встречает души погибших в автокатастрофе членов семьи, объясняет для себя события того вечера: «каждый наш поступок в тот вечер был наполнен глубоким смыслом – в том числе и забывчивость» [Там же, с. 195].

Мотив книги в целом и его частные значения (сокровища, религиозного Писания, письма, источника знаний, судьбы и т.п.) представляют собой семантическую триаду учитель – книга – судьба. Эта традиционная для многих культур триада занимает основополагающее место в картине национально-культурного мира татарского народа и выявляет значения не только источника, символа знаний, но и значения драгоценности, свидетельства прошлого, предопределения, судьбы человека, имеет особую значимость в процессе получения человеком знаний и сохранения национальной культуры в будущем.

Библиографический список

1. Абузяров И. Концерт для скрипки и ножа в двух частях. М., 2017.
2. Амирханов Р. Татарская дореволюционная пресса (в контексте «Восток – Запад»). Казань, 2002.
3. Валеев Ф. Орнамент казанских татар. Казань, 1969.
4. Гази Р. Иго. Татарский роман. Кн. 1. М., 2018.

5. Давлетишин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004.
6. Зайдулла Р.Р. Меч Тенгри: рассказы, повести, эссе, заметки. Казань, 2016.
7. Идиатуллин Ш. Убыр: Дилогия: романы. СПб., 2018.
8. Исмагилова С.Г. Образ учителя в татарской литературе // Проблемы филологии народов Поволжья: межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. М.; Ярославль, 2007. С. 209–215.
9. Йосыпова Н.М. Габделнур Сәлим ижатына суфичылык мотивлары // Суфизм как социокультурное явление в Российской умме. М., 2007.
10. Мухамадиев Р.С. Свои люди. Избранное. М., 2012.
11. Мухамадиев Р.С. Взлететь бы мне птицей...: роман. М., 2008.
12. Мухамадиев Р.С. Мост над адом: роман. М., 1996.
13. Полуденный закат: Современная проза татарских писателей. Казань, 2006.
14. Проза татарских писателей. С востока свет: повесть, рассказы, эссе. Казань, 2019.
15. Рашитова Н.М. Поэтика произведений Гумера Баширова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010.
16. Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань, 2006.
17. Татарская литература без границ / сост. А. Мушинский, Л. Шаех. Казань, 2017.
18. Татарская поэзия / сост. Л.Р. Газизова и др. М., 2012.
19. Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 3. Бытовые сказки. Казань, 2009.
20. Тукай Г. Избранное. Т. 2. Казань, 1961.
21. Тукай Г. Избранное: стихотворения, поэмы, сказки, стихотворения для детей. М., 1986.
22. Хабибуллин М.М. Божий дар: исторический роман. Казань, 2007.
23. Хабутдинов А.Ю., Хабутдинова М.М. Образ Наки Исанбета в татарской прозе // Филология и культура. 2019. № 4 (58). С. 191–201.
24. Хайруллин Р.Х. Литература народов России. М., 2009.
25. Юсупова Л.Н. Символизация в татарской поэзии XX века: особенности, условия и формы // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., г. Казань): сборник статей. Вып. 1 / сост. А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань, 2019. С. 225–235.

References

1. Abuzyarov I. Kontsert dlya skripki i nozha v dvukh chastyakh [Concerto for violin and knife in two parts]. Moscow, 2017.
2. Amirkhanov R. Tatarskaya dorevolutsionnaya pressa (v kontekste «Vostok – Zapad») [Tatar pre-revolutionary press (in the context of “East – West”)]. Kazan, 2002.
3. Valeev F. Ornament kazanskikh tatar [The Kazan Tatars ornament]. Kazan, 1969.
4. Gazi R. Igo. Tatarskiy roman [Igo. Tatar novel]. Book 1. Moscow, 2018.
5. Davletshin G.M. Ocherki po istorii dukhovnoy kultury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovleniye i razvitiye) [Essays on the history of the spiritual culture of the ancestors of the Tatar people (origins, formation and development)]. Kazan, 2004.
6. Zaydulla R.R. Mech Tengri: rasskazy, povesti, esse, zametki [The Sword of Tengri: Stories, novellas, essays, notes]. Kazan, 2016.
7. Idiatullin Sh. Ubyr: Dilogiya [Ubyr: Dilogy]. Novels. St. Petersburg, 2018.
8. Ismagilova S.G. The image of a teacher in Tatar literature. *Problemy filologii narodov Povolzhya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Issue 1. Moscow, Yaroslavl, 2007. Pp. 209–215. (In Rus.)
9. Yosypova N.M. Sufi motifs in the works of Gabdelnur Salim. *Sufizm kak sotsiokulturnoye yavleniye v Rossiyskoy umme*. Moscow, 2007. (In Rus.)
10. Mukhamadiev R.S. Svoi lyudi. Izbrannoye [Our people. Favourites]. Moscow, 2012.

11. Mukhamadiev R.S. Vzletet by mne ptitsej...[I would like to fly up like a bird...]. Novel. Moscow, 2008.
12. Mukhamadiev R.S. Most nad adom [Bridge over hell]. Novel. Moscow, 1996.
13. Poludennyi zakat: Sovremennaya proza tatarskikh pisateley [Midday sunset: Modern prose of Tatar writers]. Kazan, 2006.
14. Proza tatarskikh pisateley. S vostoka svet: povest, rasskazy, esse [Prose by Tatar writers. Light from the East: A novel, short stories, essays]. Kazan, 2019.
15. Rashitova N.M. Poetics of the works of Gumer Bashirov. PhD thesis. Kazan, 2010.
16. Sayapova A.M. Dardmend i problema simbolizma v tatarskoy literature [Dardmend and the problem of symbolism in Tatar literature]. Kazan, 2006.
17. Tatarskaya literatura bez granits [Tatar literature without borders]. A. Mushinsky, L. Shaekh (eds.). Kazan, 2017.
18. Tatarskaya poeziya [Tatar poetry]. L.R. Gazizova et al. Moscow, 2012.
19. Tatarskoye narodnoye tvorchestvo: v 15 t. [Tatar folk art: In 15 vols.]. Vol. 3. Household tales. Kazan, 2009.
20. Tukai G. Izbrannoye [Favorites]. Vol. 2. Kazan, 1961.
21. Tukai G. Izbrannoye: stikhotvoreniya, poemy, skazki, stikhotvoreniya dlya detey [Favorites: poems, poems, fairy tales, poems for children]. Moscow, 1986.
22. Khabibullin M.M. Bozhiy dar [God's gift]. Historical novel. Kazan, 2007.
23. Khabutdinov A.Yu., Khabutdinova M.M. The image of Naki Isanbet in Tatar prose. *Philology and Culture*. 2019. No. 4 (58). Pp. 191–201. (In Rus.)
24. Khairullin R.H. Literatura narodov Rossii [Folk literature of Russia]. Moscow, 2009.
25. Yusupova L.N. Symbolization in Tatar poetry of the XX century: features, conditions and forms. *Natsionalnyye literaturnyye na sovremennoy etape: nauchnyye kontseptsii i gipotezy: kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu sozdaniya Instituta yazyka, literaturnyy i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan*. Issue 1. A.F. Ganieva, F.H. Minnullina, L.R. Nadyrshina (eds.). Kazan, 2019. Pp. 225–235.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021, принята к публикации 25.10.2021.
The article was received on 30.08.2021, accepted for publication 25.10.2021.

Сведения об авторе / About the author

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Ramil Kh. Sharyafetdinov – PhD in Philology; Assistant Professor at the Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su